

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ИНСТИТУТА
ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТОМ
IX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1954 ЛЕНИНГРАД

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. И. АВДИЕВ (отв. редактор), *Д. И. ТИХОНОВ*, *В. И. БЕЛЯЕВ*

З. И. ГОРБАЧЕВА

ТАНГУТСКИЕ РУКОПИСИ И КСИЛОГРАФЫ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ВВЕДЕНИЕ

Среди большого рукописного богатства Института востоковедения Академии Наук СССР тангутская коллекция занимает довольно значительное место по обилию памятников. Она насчитывает несколько тысяч единиц хранения, превосходя количественно все зарубежные тангутские коллекции вместе взятые. По своему же научному значению коллекция Института уникальна, так как включает в свой состав памятники светского содержания, вообще отсутствующие за рубежом.

В науке ценнейшее собрание Института востоковедения известно лишь по отдельным небольшим статьям и заметкам, далеко не полно характеризующим научное значение коллекции. К ним относятся: статьи А. И. Иванова, С. Ф. Ольденбурга и В. К. Котвича под общим названием „Из находок П. К. Козлова из Хара-Хото“,¹ статьи А. И. Иванова „Страница из истории Си-Ся“,² „Документы из города Хара-Хото“,³ издание им же буддийского трактата „Восхождение Майтрейи на небеса Тушита“,⁴ частичная публикация важного для расшифровки и изучения тангутской письменности тангутско-китай-

¹ Известия Русского Геогр. общ., т. XLX, вып. 8, стр. 463—477.

² Известия Академии Наук, 1911, стр. 831—836.

³ Там же, 1913, стр. 811—816.

⁴ Литографированное издание Восточного факультета Петербургского университета, 1916, стр. 1—27.

ского словаря „Жемчужина в руке“ („Чжан-чжун-чжу“),¹ „Памятники тангутского письма“.²

Позднее в изданиях Академии Наук было опубликовано несколько статей о тангутской письменности как в общем плане, так и по узким, специальным вопросам, написанных на основании изучения памятников тангутской письменности, хранящихся в Институте востоковедения.³ Однако большая часть коллекции остается до сих пор нерасшифрованной. Научной же обработке подверглась чрезвычайно незначительная ее доля. Это ставит перед советскими учеными важную и почетную задачу — возобновить прерванную почти четверть века назад работу над этим уникальным собранием рукописей и ксилографов, ввести его в научный оборот и тем самым обогатить как востоковедение, так и историческую науку.

Настоящая статья кратко подытоживает все ранее опубликованные материалы и дополняет их новыми данными, касающимися в основном характеристики отдельных памятников. Нам представляется целесообразным и своевременным опубликование такого обзора, имеющего своей главной целью привлечь внимание специалистов к коллекции исключительной полноты, не имеющей себе равной в мире и содержащей памятники большого культурно-исторического значения. Надеемся, что статья послужит известным стимулом к возобновлению работы над тангутскими рукописями и ксилографами.

Прежде чем перейти к характеристике коллекции, а также отдельных ее памятников, считаем нужным предпослать некоторые сведения о самих тангутах, их государстве и существовавшей у них письменности.

Сведения о тангутах и их государстве нам дают главным образом китайские летописные данные.

Китайские источники, прослеживая происхождение тангутов, возводят его к тибетским племенам цзянам или ди, обитавшим к западу от Китая. Первые сведения о цзянах мы встречаем еще у Сыма Цяня (китайский историк III в. до н. э.), который в разделе „Биографий“ („Ле-чжуань“) указывает на их существование в VII—VI вв. до н. э.

¹ Известия Академии Наук, 1909, Ivanov, Zur Kenntniss Hsi-Hsia Sprache, стр. 1221—1233.

² Там же, 1918, стр. 799—800.

³ Известия Академии Наук СССР, Отделение общественных наук, № 1, 1931, стр. 7—22; Записки Института востоковедения Академии Наук, т. II, вып. 3, 1933, стр. 129—150; Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г., М.—Л., 1936, стр. 57—79; Доклады Академии Наук, 1929.

Позднее, в период Хань (III в. до н. э.—III в. н. э.), цяны разделились на 13 отдельных ветвей, из которых, как уже доказано китайскими авторами, именно дан-сянские цяны явились предками тангутов.¹

Автор IX в. Ли Янь-шоу, в свое время побывавший среди цянов, писал: „Дан-сянские цяны — потомки племен сань-мяо... Они обитают на территории, граничащей на востоке с Линь-тао, на западе с Бин-си..., с юга на север они занимают территорию в несколько тысяч ли. Живут они в горных долинах. Каждая семья составляет род; большие роды насчитывают до 5000 всадников, мелкие до 1000. Они стригут воловью шерсть и катают из нее войлок, из которого сооружают жилища. Одеваются в меховые одежды, украшенные украшениями. Цяны очень воинственны, но законов у них нет. Военные живут все вместе и не несут никаких повинностей... Цяны занимаются скотоводством и потребление у них общее, земледелия же не знают вообще... Они не имеют письменности, по временам года высчитывают время. Раз в три года собираются на сход, где закалывают и приносят в жертву волов и баранов. Смерть стариков старше 80 лет не оплачивают, о смерти же детей сожалеют...“²

К IX в. относятся сведения „Новой истории Тан“ („Синь Тан-шу“) о столкновениях дан-сянских цянов с китайскими войсками: „Дан-сянские цяны в годы правления Юн-хэ (827 г.) нападали на границы (Китая) и часто производили грабежи. Но так как они были плохо вооружены и боялись правительственных войск, то предпочитали обменивать лошадей на латы, и баранов на луки и стрелы“.³

В этом же источнике имеются данные, свидетельствующие о том, что цяны неоднократно перекочевывали из района нынешней провинции Ганьсу в провинцию Шэньси. Таким образом, китайские источники о дан-сянских цянах — предках тангутов — рисуют нам картину скотоводческого родо-племенного общества. Однако тангуты находились в постоянном общении с феодальным Китаем, и в дальнейшем процесс разложения первобытно-общинного строя тангутов и формирования классового общества развивался под непосредствен-

¹ Линь Хой-сян. История китайской нации, т. 2. Шанхай, 1938, стр. 120—122 (на кит. яз.); Люй Чжэнь-юй. Краткая история китайского народа. Шанхай, 1951, стр. 182 (на кит. яз.).

² Бэй-ши, цзюань 966, серия Сы-бу бэй-яо, Шанхай, 1936, стр. 32.

³ Синь Тан-шу, цзюань 221, ч. I, серия Сы-бу бэй-яо, Шанхай, 1936, стр. 78.

ным воздействием социально-экономических условий, существовавших в Китае.

Китайская феодальная империя времен династии Тан (618—905 гг.), осваивая новые территории, с целью подчинить себе окружавшие тогдашний Китай многочисленные племена, использовала не только силу оружия, но и более гибкие дипломатические методы. Объектом этой дипломатической деятельности стали и тангуты. Согласно свидетельству „Старой истории Тан“ („Цзю Тан-шу“), предводитель тангутских племен Бу Лай (из рода си-фэн), покорился Китайской империи. Танский император пригласил Бу Лая ко двору на пир и пожаловал ему область Юэ-чжоу и должность наместника в ней.¹

Во время Пятицарствия (У-дай, X в.), когда после эпохи феодального расцвета и объединения страны при династии Тан наступил период распада Китая, тангутский правитель Ли Цзи-фэн оказал китайским властям уже сунского времени (X в.) активное содействие в покорении княжества Северное Хань (Бэй Хань) и разгроме его войск. За это Ли Цзи-фэн был представлен ко двору и награжден.

Основателем государства Си Ся, согласно китайским источникам, стал сын Ли Цзи-фэна Ли Юань-хао. Ли Юань-хао захватил северные области провинций Шэньси и Ганьсу и часть земель провинции Суйюань. В г. Нинся он основал столицу и здесь же провозгласил себя в 1038 г. императором, назвав свое государство Си Ся (Западное Ся) или Да Ся (Великое Ся). Он вел войны с Китаем, киданьским государством Ляо, основанном в 967 г., и племенами чжурчженей, обитавшими на севере Китая.²

Сведения о тангутах мы находим также у современников тангутского государства Си Ся — Марко Поло и Рашид-ад-дина. Согласно этим данным, географические координаты государства Си Ся с севера на юг были 34—42° сев. широты. С востока оно ограничивалось рекой Хуанхэ, отделявшей государство тангутов от китайских земель в провинции Шэньси, на западе озером Кукунор, на севере областью Хами и рекой Эдзин-голом, хребтом гор Хола-шань и снова рекой Хуанхэ; на юге государство Си Ся граничило с провинцией Сычуань.

¹ Цзю Тан-шу, цзюань 190, серия Сы-бу бэй-яо, Шанхай, 1936, стр. 5а.

² Иакинф Бичурин. История Тибета и Хухунора. СПб., 1833, стр. 38—67; В. П. Васильев. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб., 1857, стр. 86—87; Линь Хой-сян, ук. соч., стр. 138.

Марко Поло в своей книге упоминает город Езин, отождествляемый теперь с И-цзи-най-лу или Хэй-шуй-чэном („Город Черной реки“). Как теперь выяснено, это и был Хара-Хото, один из главных административных и культурных центров государства Си Ся. О самих тангутах Марко Поло писал: „Народ молится идолам, есть также христиане-несториане и сараины. У идолопоклонников свой собственный язык“.¹ Вся территория, занимаемая в то время государством тангутов, носила уже при монголах название Хэ-си, что в переводе значит „К западу от реки Хуанхэ“. Это название встречается в „Истории Юаньской династии“, в „Сокровенном сказании“ оно заменяется названием Ха-синь. В китайских словарях это название транскрибируется как таңут (tanut). Однако следует отметить, что сам термин „таңут“ встречался еще в китайско-тюркской надписи из Кошо-Цайдама, датированной 734 г.

У Рашид-ад-дина также имеются сведения о тангутах, но они относятся к более позднему времени — завоеванию тангутского государства Чингис-ханом. Однако некоторые сведения имеют значение для общей характеристики.

„Это племя, — пишет Рашид-ад-дин, — большей частью обитало в городах и селениях, но было чрезвычайно воинственно и (имело) большое войско... В стране тангутов много владений, состоящих из городов, селений и крепостей, и она имеет много гор, (идуших) в разных направлениях. Вся (эта страна) расположена у большой горы, которая находится перед ней; ее (страну) называют — Алсай. У окраин этой страны расположен Хитай“.²

Таким образом, государство тангутов по своему географическому положению находилось в непосредственном соприкосновении на востоке с собственно Китаем и на юго-западе с Тибетом. Тангуты к X в. уже перешли к оседлому образу жизни, имели свои города и занимались земледелием. Согласно китайским источникам, к этому времени территория тангутского государства равнялась более 20 000 ли. Административная система Си Ся имела ряд черт, сближавших ее с устройством соседнего Китая (система чиновничьих рангов, придворный этикет и т. п.), но его сильная военная организация сохранила свою самобытность, унаследованную от ко-

¹ И. П. Минаев. Путешествие Марко Поло. Перевод старо-французского текста. СПб., 1902, стр. 74.

² Рашид-ад-дин. Сборник летописей, ч. I, кн. I. М.—Л., 1952, стр. 143.

чевого прошлого. Со временем был проведен еще ряд нововведений, продиктованных нуждами возникшего феодального государства.

„Каждая семья их народа называлась юртой (帳 чжан). Мужчина, достигший 15 лет, считался совершеннолетним и если в семье было двое совершеннолетних, одного брали на военную службу... Отважных китайцев приглашали к себе в армию и называли их особым именем чжун-лин-лан. Слабых и неспособных к военной службе отправляли за реку заниматься сельским хозяйством или охранять Су-чжоу“.¹

Согласно тому же китайскому источнику, тангуты „учреждали высшую школу, где обучалось сначала 300 человек, а затем до 3000. Они почитали Конфуция за главу и открыли особые школы для подготовки ученых“.² Эти сведения указывают на значительный уровень цивилизации, которого достигло на определенном этапе тангутское государство.

Государство Си Ся просуществовало более 200 лет. Оно погибло в 1236 г. под натиском монгольских войск.

Тангуты подверглись, как уже указывалось, культурному влиянию феодального Китая. Соприкосновение же с Тибетом привело к проникновению в тангутское государство буддизма, о чем свидетельствует большое количество буддийских рукописей и ксилографов, найденных в Хара-Хото. Буддизм был государственной религией государства Си Ся.

Однако, несмотря на культурные связи с соседними народами, имевшими уже издавна свою письменность, тангуты не восприняли ни китайского, ни тибетского письма. Они создали свою собственную письменность, поступив так же, как до них — кидани и после них — чжурчжени.

Об изобретателе письменности тангутов имеются свидетельства китайских источников, но они разноречивы, и, по существу, этот вопрос остается до сих пор не решенным окончательно.³

Китайские источники, указывая на Ли Юань-хао как на основателя тангутского государства, ему же приписывают изобретение тангутской письменности. „История Сунской династии“ („Сун-ши“) говорит, что письменность тангутов была изобретена Ли Юань-хао в 1038 г., а затем разра-

¹ Сун-ши, цзюань 486, стр. 96а (ксилограф коллекции Института востоковедения, Е 285).

² Там же, стр. 986.

³ Тангутская письменность и ее фонды. Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г., стр. 63.

ботана ученым тангутом Е-ли Жэнь-жуном. „История династии Ляо“ („Ляо-ши“) называет в качестве изобретателя письменности Ли Дэ-мина, отца Ли Юань-хао. Наконец, некоторые китайские источники изобретение письменности приписывают некоему Юй Ци.

В тангутских одах, имеющих в собрании Института, воспевается некий И-ри как изобретатель письменности, но отождествить его с какой-либо реальной исторической личностью до сих пор не удавалось.¹

Учитывая свидетельства китайских исторических хроник о том, что Ли Юань-хао знал и тибетский и китайский языки, можно допустить, что именно он и создал тангутскую письменность, используя как тибетское, так и китайское письмо.

Впервые тангутские письмена были обнаружены во второй половине XIX в. в шестязычной надписи, датированной 1345 г. Английский ученый А. Уайли, частично разобрав надпись, не мог, однако, определить языка, на котором была сделана одна из шести надписей; он предположил, что это чжурчженьское письмо.² В 1895 г., после опубликования надписи, за ее дешифровку взялись Э. Шаванн и Г. Девериа. Последний считал, что непонятная надпись сделана на языке государства Си Ся, но это осталось лишь предположением, так как другие тангутские тексты, с которыми можно было бы сравнить надпись, отсутствовали. Сомнения были рассеяны только через три года, в 1898 г., когда тот же Девериа опубликовал тангутскую надпись, обнаруженную на стеле храма Да-юнь-сы, датированную 1034 г.³ В то же время были дешифрованы 40 тангутских знаков Бушелем, который работал над 12 тангутскими монетами.⁴ Наконец, в 1904 г. Морис исследовал тангутский перевод саддхармапундарика-сūтры, написанной золотом на синей бумаге,⁵ дав некоторые итоговые заключения относительно грамматического строя тан-

¹ Имеется предположение, что это искаженное имя упомянутого выше Е-ли Жэнь-жуна. Однако это остается пока только гипотезой.

² A. Wylie. On an Ancient Buddhist Inscription at Keu-yung-kwan. *Journal Royal Asiatic Society*, vol. V, 1870, стр. 14—44.

³ G. Devéria. L'Écriture du royaume de Si-Hia ou Tangut. *Memoirs présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions*, vol. XI, № 1, Paris, 1898, стр. 147.

⁴ S. W. Bushell. The Hsi-Hsia Dynasty of Tangut, their money and peculiar script. *Journal of North China Branch Royal Asiatic Society*, vol. XXX, 1895—1896, стр. 142—160.

⁵ M. G. Morisse. Contribution préliminaire à l'étude de l'écriture et de la langue Si-Hia, *Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des inscriptions*, vol. XI, № 2, Paris, 1904.

гутского языка. Однако все эти изыскания, основанные на исследовании единичных документов тангутской письменности, не могли раскрыть полностью ни грамматического строя языка, ни его словарного состава, ни, тем более, его фонетики.

Открытия П. К. Козлова в Хара-Хото дали тангутоведению обширный и ценнейший материал не только для изучения языка тангутов, но также для исследования различных сторон их жизни.

Решающее значение для языковых изысканий имел обнаруженный среди рукописей и ксилографов упомянутый выше тангудо-китайский словарь „Жемчужина в руке“ („Чжан-чжун-чжу“). Как видно из предисловия к нему, он был составлен с целью облегчения изучения тангутского языка китайцами и китайского тангутами. Поэтому в нем каждому тангутскому идеографу были приданы два китайских, фонетически соответствующих тангутскому чтению.

В 1917 г. было опубликовано общее (не полное) описание словаря¹ и дальнейшее изучение тангутского языка стало невозможным без учета этого памятника. Для сравнительного языкознания этот словарь имел также немаловажное значение.

Следует отметить ведущую роль русских ученых в развитии новой отрасли востоковедения — тангутоведения.

В результате кропотливой работы над словарем „Чжан-чжун-чжу“, а также целым рядом рукописей и ксилографов, имевших параллельный с тангутским китайский или тибетский текст, русским ученым удалось более определенно установить грамматический строй языка, уточнить его фонетику, морфологию и синтаксис,² расшифровать большое количество тангутских иероглифов. Последнее обстоятельство дало возможность начать составление тангудо-русского словаря.³

Труды наших исследователей послужили исходным моментом для работ зарубежных ученых. Так, в 1917 г. в журнале „Тун Бао“ появилась работа Лауфера, который на основании публикаций словаря „Чжан-чжун-чжу“ исследовал строй тангутского языка и пришел к выводу, что этот язык является языком тибето-бирманской группы (куда относятся языки тибетский, ло-ло, мо-со).⁴ Следует сказать, что в исследованиях

¹ Известия Академии Наук, т. XIX, 1917.

² См. вышеуказанные статьи, изданные Академией Наук.

³ В рукописном виде этот словарь, насчитывающий более 2000 слов, находится в Архиве востоковедов Института востоковедения (ф. 69).

⁴ B. Laufer. The Si-hsia Language. A study in Indo-Chinese philology T'oung Pao, vol. XVII.

Лауфера о фонетической системе тангутского письма, несмотря на важные выводы общего характера, были допущены существенные ошибки в конкретном транскрибировании того или иного слова. Это снижало научную ценность его трудов и вводило в заблуждение тех, кто следовал за Лауфером.

Английский путешественник А. Стейн, побывав в 1915 г. в Хара-Хото, привез оттуда, уже после П. К. Козлова, некоторое количество тангутских ксилографов и рукописей исключительно буддийского содержания. Они были переданы в Британский музей. Часть ксилографов также буддийского содержания попала в руки француза П. Пельо.

Позднее тангутские рукописи разными путями стали проникать в Китай, где были собраны в Пекинской национальной библиотеке, и в Японию.¹

В Китае изучением тангутского языка занялись ученые Ло Чжэнь-юй и его два сына Ло Фу-чан и Ло Фу-чэн, а позднее лингвист Ван Цзин-жу.

Оперируя ксилографами и рукописями буддийского содержания, китайские и европейские исследователи занимались только расшифровкой текстов и изучением тангутского языка, так как без этого ни один письменный памятник тангутов не был доступен для изучения и введения в научный оборот.

В результате исследований, Ло Фу-чэн пришел к выводу, что тангутская письменность в основном построена на тех же принципах, что и китайская, в ней имеется та же система ключей.² Одновременно к таким же выводам пришли фон-Цах и Бернарди.³

В Японии появилось несколько статей о тангутской письменности издания Киотоского университета и библиотеки Тойо Бунко. Таково состояние изучения тангутского языка, изложенное здесь в самом сжатом виде.

ХАРАКТЕРИСТИКА СОБРАНИЯ

Собрание тангутских рукописей и ксилографов Института востоковедения состоит, как уже указывалось, из нескольких тысяч единиц хранения. В отличие от многих других

¹ Ван Цзин-жу. Си-Ся янь-цзю, т. I. Пекин, 1932, стр. XI.

² Ло Фу-чэн. Си-Ся го-шу люе-шо. Пекин, 1914.

³ E. von Zach u. E. Bernhardi. Einige Bemerkungen über Si-hia Schrift und Sprache. *Ostasiatische Zeitschrift*, 1919, № 3—4; E. von Zach. *Entzifferung des Turfan Manuscriptes*, T. M. 190, des Berliner Museum für Völkerkunde. 1928, № 11.

коллекций Института, комплектование которых проходило постепенно, в течение длительного времени, начиная с 1818 г., года основания предшественника Института востоковедения Академии Наук СССР — Азиатского музея, поступления тангутских памятников отмечены лишь 1908 и 1909 гг.

Первые поступления 1908 г. по своему объему были весьма незначительны. В основном это были рукописи и ксилографы буддийского содержания.

Находка П. К. Козловым в 1909 г. редчайших памятников светского содержания дали науке чрезвычайно ценный материал и открыли широкую возможность научной деятельности в области тангутоведения.

По своему содержанию коллекция делится на две неравные части — буддийскую и небуддийскую. Первая больше по объему, вторая важнее по своему содержанию; впрочем, для расшифровки тангутской письменности первая часть имеет также большое значение.

Буддийская часть собрания состоит из множества сутр, шастр и винай. Но последние представлены значительно меньше, чем сутры. Они имеются лишь в разрозненном и дефектном виде. Среди сутр особенно много экземпляров „Махāпражñā парамитā“, „Пу-Сянь-син-юань-пинь“ и др. Из шастр и винай представлены „Сутрāламкāра“, „Буддхāватам-сака“ и др.

Громадное количество буддийской литературы, которая имеется в нашем собрании и из которой исключительно состоят зарубежные коллекции, говорит о широком распространении буддизма в тангутском государстве. X—XI века были периодом расцвета буддизма в Тибете. Там усиленно переводились буддийские священные книги, трипитака. Широко распространился буддизм в то время и в Китае. Все это оказало свое влияние на тангутское общество. По еще не установленным причинам буддизм стал господствующей религией государства Си Ся и широко пропагандировался там. Некоторые сутры издавались ксилографическим способом в 50 000—100 000 экземплярах (в переводе с тибетского и китайского языков).

Правители государства Си Ся не раз обращались в Китай за буддийской литературой, выменивая ее на предметы тангутского производства.¹

В коллекции Института имеется ряд изданий сутр различного формата и шрифта, а также и рукописные экземпляры.

¹ Ван Цзин-жу, ук. соч., стр. X.

Ряд оригинальных буддийских трактатов носят религиозный, а иногда и проповеднический характер. Они представляют собой интересное сочетание тибетских образцов мораль-

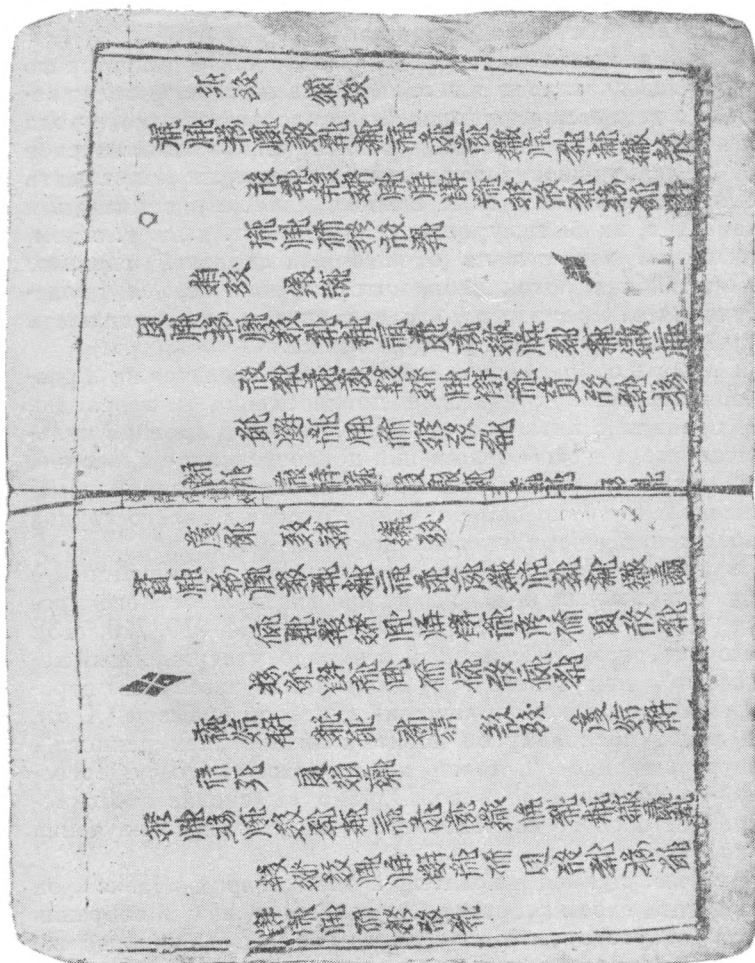

Рис. 1. Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи „Небесного процветания“, л. 3.

ных проповедей и мистики с китайскими историческими фактами в качестве иллюстраций. Таким произведением является, например, „Сборник вдохновенной мудрости“ (рис. 3, 1, 賢智集 №№ 585,593). Это ксилограф, сброшюрованный

„бабочкой“ (13.5×20 см). Составление его относится к 1188 г. Он состоит из проповедей и рассуждений о вреде „мирских наслаждений“.

Однако следует отметить, что памятников оригинального содержания несравненно меньше переводных буддийских трактатов и они насчитываются единицами.

Более интересна вторая, небуддийская, часть тангутского коллекция. Она уникальна и весьма ценна по своему содержанию, так как тангутских рукописей и ксилографов такого рода нет ни в одной из зарубежных коллекций. Систематическое изучение и дальнейшее исследование коллекции могут дать в руки исследователей новые важные данные о социальном строе тангутов, их быте, уровне культуры и т. д., т. е. о том, что сейчас нам известно из отрывочных сведений, главным образом китайских источников, которые пока нельзя проверить и уточнить. Кроме того, это даст широкую возможность дальнейшего изучения тангутского языка.

Данная часть собрания (как и буддийская) делится на 2 раздела — оригинальные тангутские произведения и переводы, главным образом с китайского языка. Богатая древняя культура Китая имела в этом отношении первостепенное значение.

По содержанию среди оригинальных произведений намечается несколько групп памятников: это прежде всего группа законоположений и юридических документов.

Здесь несомненный интерес представляет „Измененный и заново утвержденный кодекс законов эпохи Небесного процветания“ (1149—1170) (рис. 3, 2, №№ 152—204, 210, 710, 713). Не исключено, что „Измененный и заново утвержденный кодекс законов“ тангутского государства был известным отражением китайских законоположений сунского времени (X в.). А кроме того, поскольку он носит название „измененного“, „заново утвержденного“, можно предположить, что существовал какой-то кодекс и до него. Однако выяснение этого вопроса требует особого исследования и специального изучения самого кодекса.

Судя по имеющимся в коллекции экземплярам кодекса, он насчитывает в своем составе 20 книг. Из них в собрании Института отсутствует только книга 16-я. Большинство же остальных представлены в нескольких экземплярах. Так, книга 2-я имеется в двух, 3-я в четырех, 5-я в двух, 9-я в трех, 10-я в двух, 11-я в семи, 13-я в восьми, 17-я в двух, 19-я в двух и 20-я в трех экземплярах.

Все книги напечатаны ксилографическим способом; они различного формата (в среднем 18×23 см), сброшюрованы

„бабочкой“ и в общем неплохой сохранности. Лишь единичные экземпляры попорчены и в них отсутствуют начальные или последние листы.

Имеются неполные оглавления к „Измененному и заново утвержденному кодексу законов эпохи «Небесного процветания»“ (№№ 785—787, 789). Одно из них (№ 785) написано от руки курсивом (22.5×27 см). Оно включает все статьи и параграфы содержания кодекса, причем пользование этим оглавлением облегчается тем, что статьи законов напечатаны крупным шрифтом, а параграфы мелким. Остальные три оглавления напечатаны ксилографически (19×26 , 18×26 , 17×22.5 см). Они дефектны: одно из них охватывает лишь книги 5—10, в нем отсутствуют начало и конец (№ 786); другое содержит книги 11 и 12; отсутствуют последние страницы (№ 787); наконец, третье состоит лишь из фрагментов, а именно, конца 2-й и начала 3-й книг (№ 789).

К рукописям такого же содержания относятся „Новые законы“ (рис. 3, 3), 新律 (№ 945, № 2565). В фонде имеются рукописи тома XII (14×23 см), небрежного стандартного почерка, не имеющая последних страниц, томов XVI и XVII (14×22.5 см) без начала.

Рукопись тома II, с очень большим количеством поправок и вставок скорописью и полускорописью (№ 749); VII том рукописи написан стандартным курсивом; попорчены первые листы рукописи (№ 826), и, наконец, рукопись, называемая просто „Законы“ и по содержанию отличная от предыдущих трех. Эта рукопись написана стандартным почерком с некоторыми вставками курсивом (№ 827).

К документам юридического характера, связанным с законодательством тангутского государства, относятся долговые обязательства.

В нашем фонде обнаружено пока два таких обязательства (№№ 954, 955), заверенных подписями поручителей и свидетелей. Дата первого обязательства: „26 число 4 луны года правления Гуан Дин“ (光定), т. е. 1223 год.

Первое обязательство представляет собой рукопись (18×26 см), написанную обычным стандартным почерком, переходящим в последних строках в скоропись. Обратная его сторона покрыта иероглифами, — видимо, ученическими упражнениями в письме.

Второе обязательство — тоже рукопись, датированная двумя годами раньше — 1221 г. (20×23 см); написана скорописным курсивом.

Надо полагать, что эти памятники, после тщательного изучения, смогут пролить свет на некоторые вопросы истории тангутского государства, остающиеся до сих пор неясными.

Вторую группу памятников составляют энциклопедии. К этой группе принадлежит прежде всего „Собрание необходимого“ (рис. 3, 4) (要集, № 124). Это ксилограф, сброшюрованный „бабочкой“ (12.5×20 см). Судя по оглавлению, книга охватывает едва ли не все стороны жизни тангутов. В нашем собрании имеется только конец пятой книги (орудия и утварь), вся шестая (музыкальные инструменты) и начало седьмой (цветы). Расшифровка этого памятника облегчается тем, что в его тексте к каждому тангутскому названию придан его эквивалент на китайском языке, причем поясняемое слово дается жирным шрифтом, а пояснения мелким. Общая сохранность ксилографа удовлетворительная.

Большой интерес представляет ксилограф оригинальной тангутской энциклопедии „Море значений“ (рис. 3, 5), датированной 1182 г. (№№ 143, 144, 145, 684). В энциклопедии 5 томов, каждый из которых разбит на 3 отдела. I том составляют отделы: 1) небесные светила, 2) небесные явления, 3) летосчисление; II том: 1) земная поверхность, 2) флора, 3) минералы, вода, лодки, мосты, поля, сельскохозяйственные орудия; III том: 1) злаки, драгоценности, материи, 2) одежда, еда, напитки, 3) животный мир; IV том: 1) правители страны, 2) религия, учреждения, войска, 3) города, посуда и утварь, орудия, меры и весы, упряжь, музыкальные инструменты; V том: 1) дела людей и градации людей, 2) родство, 3) мужчины и женщины (их отношения друг к другу).

По своей композиции эта энциклопедия во многом сходна с китайскими энциклопедиями обычного типа.

В нашем собрании обнаружены пока только четыре отдельные части этого ксилографа: часть I тома, заключающая в себе конец стихотворного предисловия, оглавление и начало I тома (№ 143); середина II тома (окончание 4-го и начало 5-го отделов) (№ 144); V том дефектный, он содержит лишь окончание 13-го и начало 15-го отделов (№ 145), наконец, имеется конец I тома (№ 684). Сохранность имеющихся частей удовлетворительная.

Большое место в небуддийской части коллекции занимает лексикографическая литература, составляющая ее третью группу. Наличие большого количества литературы такого рода является несомненным признаком внимания и заботы тангутов о своей письменности, ее развитии и распространении.

Собрание Института содержит всевозможные словари, начиная с простых, только перечисляющих иероглифы, и кончая сложными, с подробным описанием фонетики, семантики, структуры иероглифов. Расположение иероглифов в словарях самое разнообразное: по рифмам, тонам и т. д.

Тангутско-китайский словарь „Жемчужина в руке“ (рис. 3, б) сокр. 掌中鉢 („Чжан-чжун-чжу“) имеется в фонде в разных вариантах, что свидетельствует о неоднократном его издании. Этот словарь, частично ранее опубликованный, помог тангутоведам определить как грамматический строй, так, в известной мере, и словарный запас и фонетику тангутского языка.

Поскольку словарь уже введен в научный оборот, мы остановимся лишь вкратце на его характеристике.

В словаре „Чжан-чжун-чжу“ всем тангутским иероглифам придана китайская транскрипция, состоящая из двух китайских знаков, которые, по принципу „рассечения“ (фань-це) должны давать один моносиллаб тангутский. Такое построение словаря и правильная его расшифровка позволили восстановить фонетику тангутского языка.

В нашем собрании ксилографы словаря имеются в нескольких вариантах:

Часть (середина) словаря (№ 214);

Одна страница предисловия (№ 215);

Наиболее полный вариант словаря, хорошей сохранности, но уже реставрированный (№ 216);

Дублет № 216 (№ 217);

Имеется вариант №№ 214 и 216, однако нумерация листов не совпадает. По всей вероятности, есть кое-какие отличия, ныне еще не выявленные (№ 218);

Фрагмент одной страницы (№ 685).

К такому же типу литературы принадлежит ксилограф, называемый „Гомофоны“ (рис. 3, 7) 同音 (№ 207). Данный словарь тангутских иероглифов расположен по начальным фонемам. Они разделены на 9 классов, причем каждая гомофонная фонетическая группа отделена кружком.

Предисловие и послесловие к словарю дают возможность определить дату составления „Гомофонов“ — 24 ноября 1132 г. Сохранность памятника хорошая.

Имеется исправленное и дополненное издание № 207 (№ 208). Ему придано новое предисловие, а также новые группы и разделы. На обороте листов — рукописные объяснения значений иероглифов.

Есть вариант № 206 (№ 209). Отличие его только в том, что кружки, отделяющие одну фонетическую группу от другой, закрашены киноварью и нет рукописных объяснений на обороте листов. Сохранность удовлетворительная.

В большом количестве в собрании Института представлены различные иероглифические сборники.

Ксилограф „Иероглифическая смесь“ (рис. 3, 8) (№ 210) 字雜, представляющий собой список самых обиходных тангутских слов, расположенных тематически, но без объяснений. Книга разделяется на три главы: небо, земля и люди. Каждая глава в свою очередь включает в себе известное количество слов, объединенных тематически. В нашей коллекции сохранились: 1 глава — последний отдел „Млечный путь“; 2 глава — земля и горы, реки, моря, драгоценности, материи, мужская и женская одежда, деревья, овощи, травы, злаки, лошади, верблюды, коровы, козы, птицы, дикие животные, пресмыкающиеся и насекомые; 3 глава — остались только тангутские фамилии, собственные имена, китайские фамилии, родство, различные отношения между людьми, части тела, жилище, еда, утварь. Сохранность памятников плохая и пользоваться ими очень затруднительно.

„Море иероглифов“ (рис. 3, 9) 文海 — полное название: „Море иероглифов, установленных святым (?)“ (№ 211). Это рифмованный тангуто-китайский словарь. Расположен по 97 рифмам ровного тона (пин-шэн); местами встречаются указания на то, что данный иероглиф читается и под другим тоном.

В словаре поясняется структура самого иероглифа (анализ составных частей), значение его и фонетика (по методу фань-це). Указываются иероглифы, имеющие то же чтение. По своей композиции словарь напоминает китайские словари типа „Гуан-юнь“. Словарь в удовлетворительном состоянии. Имеется также второй, только далеко не полный экземпляр словаря (№ 212). В нем сохранились рифмы: конец 12-й, 13-я и начало 14-й, конец 17-й, начало 18-й, конец 50-й, 51-й — начало 71-й.

„Смешанные категории моря иероглифов“ (рис. 3, 10) 文海雜類 (№ 213). Этот памятник представляет собой тоже ксилографический тангуто-китайский иероглифический словарь, расположенный по тонам, а внутри тонов по фонемам. Судя по способу пояснений иероглифов, он составлен на основе ксилографа „Море иероглифов“ (№ 211); сохранность словаря удовлетворительная.

Особый интерес представляют тангутские фонетические таблицы (рис. 3, 11) (№№ 620—624). Эти рукописи неболь-

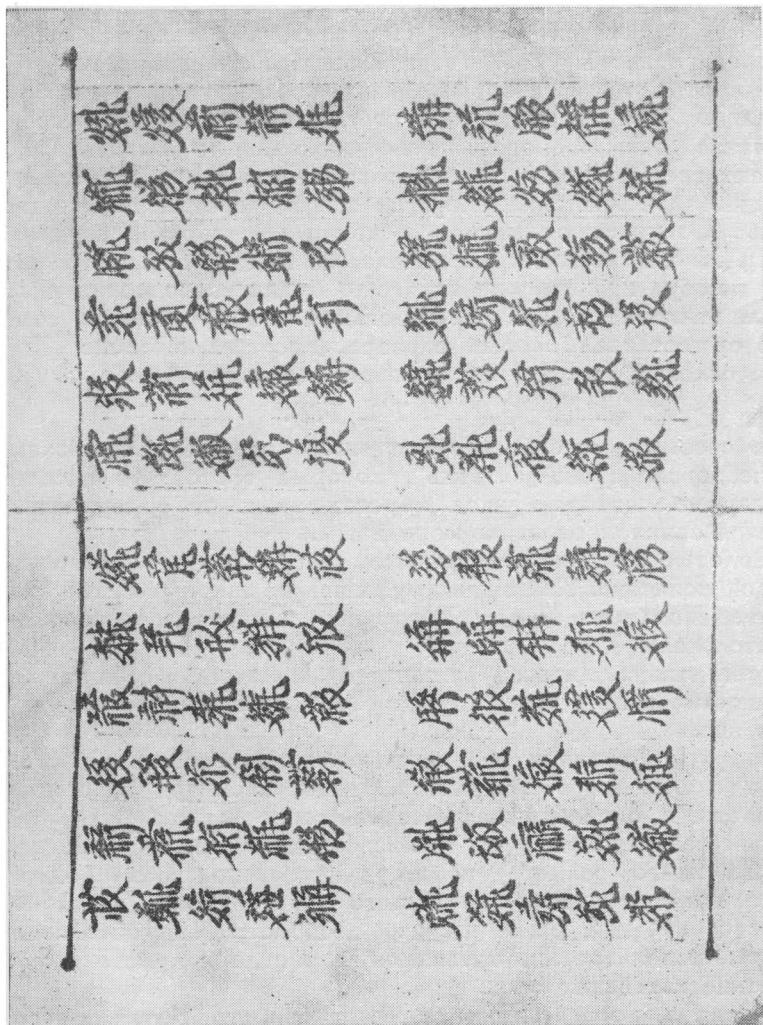

Рис. 2. Фонетические таблицы.

шого размера (10 × 13), сброшюрованные „бабочкой“, датируются 1173 г. Они представляют собой перечни иероглифов, расположенных фонетически. Основным из них, наиболее

полным является № 620. Судя по почерку и бумаге, некоторые страницы его (1—7, 12—13) включены позднее; в данном экземпляре не хватает первых двух страниц. На последнем листе наклеена страница с неизвестным письмом (10 знаков) и указана дата (тангутская). Переплетена в кожаный переплет; сохранность удовлетворительная. Есть несколько вариантов этих таблиц. Первый из них — тоже рукопись, но без начала (№ 621). Второй вариант таблиц включает в себе окончание фонем ровного и начала восходящего тона (№ 622). Вариант третий очень плохой сохранности (№ 623). Между таблицами дополнительно вклеены списки иероглифов данной рифмы. Отсутствуют начало и конец. Четвертый вариант таблиц (№ 624) не имеет ни начала, ни конца. Таблицы написаны на обратной стороне какого-то буддийского сочинения.

Для начального обучения иероглифическому письму у тангутов существовал особый словарь, носящий название „Золотые осколки“ и „Крупинки золота на ладони“ (рис. 3, 12) **新集金碎掌直文** (№№ 741, 742).

По своему замыслу он имеет много общего с китайским тысячесловом „Цянь-цзы-вань“, который состоит из тысячи ни разу не повторяющихся иероглифов и по содержанию является сочинением этико-моральным.

„Золотые осколки“ — рукопись на бумаге, одна сторона которой исписана. Как видно, рукопись не закончена, так как в книге заполнено только 20 страниц. Сохранность удовлетворительная.

Оригинальная литература тангутов включает в себя также оды, поэтические тексты, народные пословицы и поговорки, изречения.

Тангутские стихи и оды представлены в коллекции Института несколькими сборниками. Однако, несмотря на оригинальность и своеобразное расположение строф (тангуты предпочитали не пяти- или семисложные китайские строфы, а стихи иного размера), поэзия тангутов по своему содержанию имеет очень много общего с китайской и частично тибетской поэзией. Были широко распространены китайские сюжеты, использование китаизмов, а иногда и просто заимствование китайских слов.

В стихах, воспевающих седую древность Китая и его легендарных правителей, мы встречаем, например, следующие строки:

„Яо и Шунь были страшно добры —
Не было слышно при них про отцов и братьев дурных.

Вэнь-Ван из Чжоу любил веселиться с людьми,
Дети свои, дети других, лицом ему были равны“.

А также такие строки:

„Под августейшим Небом все покорны ему,
На континенте-земле он единый владыка,

1. 𪚩𪚪𪚫
2. 𪚬𪚭𪚮𪚯𪚰𪚱𪚲𪚳𪚴𪚵𪚶𪚷𪚸𪚹𪚺𪚻𪚼𪚽𪚾𪚿
3. 𪚿𪚽𪚾
4. 𪚾𪚽
5. 𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾
6. 𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾
7. 𪚾𪚽
8. 𪚾𪚽
9. 𪚾𪚽
10. 𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾
11. 𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾
12. 𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾𪚽𪚾𪚾

Рис. 3. Тангутские названия основных указанных в статье сочинений.

На царей (всех) восьми направлений гнева не подымает
С народами четырех морей мир совместный берет".¹

Здесь выражения „восемь направлений“, „четыре моря“ — типичные китаизмы.

Изречения являлись своеобразным видом поэзии, так как они располагались параллельными строфами и имели одинаковое количество слогов. Эти изречения, не составляя обычно особого сборника, встречаются в разных памятниках. Они, как и пословицы, являются не только выражением народной мудрости, но проливают некоторый свет на общественные отношения тангутов, их быт и занятия. Среди изречений указанного выше сборника „Море иероглифов“ мы встречаем, например, такие:

- 1) „Умный человек женское поведение в расчет принимает,
Глупый человек женскою наружностью дорожит“.
- 2) „Обладающий скотом не богат,
Обладающий умом богат“.
- 3) „Старший брат род продолжает,
Младшие братья ночуют где попало“.

В коллекции имеется лишь один сборник изречений, составление которого относится к 1176 г. Его составитель, судя по предисловию, тангутский ученый Лян Дэ-ян (по фамилии — китаец). Эта книга была отредактирована после его смерти Ван Жэнь-чи; издана в 1187 г. Небезынтересно привести некоторые образцы изречений:

- 1) „Как муравей ни старайся, на царя-льва похожим не станешь.
Как муха ни прихорашивайся, с златокрылой птицей видом не сравниться“.
- 2) „Нет лучших близких, чем отец с матерью,
Нет мяса вкуснее, чем мясо на костях“.
- 3) „У разумного отца безрассудный сын на отце сидит;
отец умрет, он вниз свалится“.
- 4) „У безрассудного отца разумный сын под отцом находится;
отец умрет, он вверх вылезет“.
- 5) „(Человек) с жалованьем незначительным на государственной службе ревнителен, жена некрасивая мужу верна“.
- 6) „Неприкрашенные две красоты: молодость и зелень.
Неподмазанные две уродливости: бедность и старость“.
- 7) „Если у богатого скот еще не истощался,

¹ Доклады группы востоковедов на сессии Академии Наук СССР 20 марта 1935 г., стр. 76.

то когда неудачник-сын подрастет, — исчерпать будет нетрудно“.

- 8) „Большое делая, — не торопись.
Далеко отправляясь, — не спеши“.
- 9) „Непреложность смерти железом не свяжешь,
Быстротечность жизни пешком не догонишь“.¹

Несомненно, что эти изречения, так же как и пословицы, в ряде случаев повторяют китайские. Это, в частности, еще раз свидетельствует о большом культурном влиянии Китая на тангутов.

Вторым разделом небуддийской части тангутской коллекции являются переводы, главным образом с китайского языка. Здесь также можно наметить по содержанию ряд групп. Прежде всего это переводы конфуцианского толка.

Конфуцианская литература проникала к тангутам вместе с китайской культурой и в этом отношении собрание Института раскрывает перед нами картину влияния конфуцианства на жизнь тангутского государства.

Среди рукописей и ксилографов обнаружены следующие переводы китайских классических книг этико-морального содержания:

- 1) книга цитат китайских мыслителей имеется в собрании в различных изданиях (№№ 134—138), — это ксилографы, сброшюрованные „бабочкой“;

- 2) ксилограф переводов с китайского языка изречений Конфуция (с комментариями) — главы 5, 15, 19, 20 Лунь-юя (№№ 147—149);

- 3) переводы Мэн-цзы (глава Ли-лоу), рукопись (№№ 360, 766, 774).

Вторая группа — памятники военного содержания. Тангуты широко использовали богатую китайскую литературу не только конфуцианского содержания. Они изучали и переводили также и военные сочинения. Последние помогали тангутским властителям создавать свою армию, вести войны с внешними врагами и подавлять внутренние восстания.

Собрание отражает большую работу тангутов в этой области. Имеется ряд ксилографов и рукописей, переводов военно-тактических сочинений и, главным образом, труда Сунь-цзы „Военная тактика с тремя комментариями“ (№№ 579, 771—773, 775). Ксилографы содержат переводы: книги 2, где отсутствуют начало и конец (№ 579), конец книги 2 (№ 772),

¹ Там же, стр. 77—78.

книги 3 (испорчена стр. 36; № 773), книги 3 и часть биографии Сунь-цзы (попорченный экземпляр № 774); фрагменты книги 3 и биографии Сунь-цзы (№ 775) (написаны курсивом).

Кроме того, собрание Института содержит перевод „Трех тактик“ и „Шести секретов“. „Три тактики“ представлены ксилографами в трех вариантах (№№ 579, 715, 716), однако все они дефектны — в каждом отсутствуют начало и конец.

„Шесть секретов“ — перевод с китайского языка классического труда по тактике „Лю-тао“ — имеется в нескольких книгах (№№ 139, 140, 768, 769 и 770), содержащих отдельные тома этого труда: том I (№№ 139—140), часть IV тома (№ 768) и фрагмент II тома (№ 769).

Один из ксилографов является особым изданием „Лю-тао“ и отличается тем, что в него включены части текста, отсутствующие в обычных изданиях (№ 770).

В несколько меньшем объеме имеется даосская литература. Это переводы цитат Лао-цзы, Ле-цзы, Чжуан-цзы, Хуай-нань-цзы и других. Памятники такого содержания единичны. К ним примыкают также фрагменты книг гаданий, как то: „Оракул и гадания по И-цзину“, „Сборник тайн пяти планет“, фрагменты по физиомантии и другие мелкие гадательные и заклинательные записки. Имеются также фрагменты календаря и образцы медицинской литературы. Но все это представлено во фрагментарном, отрывочном виде и поэтому полного представления о распространении подобного рода литературы у тангутов мы пока не можем получить.

Все вышеизложенное говорит о богатстве тангутского собрания Института и его исключительной ценности.

К сожалению, за последние годы систематической работы над коллекцией не велось. Необходимо возобновить ее, продолжить дешифровку тангутских иероглифов, с целью пополнения тангутско-русского словаря. Это даст возможность ввести в научный оборот уникальную небуддийскую часть коллекции, не имеющую себе равной ни в одной из других коллекций за рубежом.

Работа над тангутскими рукописями и ксилографами сможет пролить свет на ряд проблем, связанных с общественно-экономическими отношениями тангутов, их языком, бытом и уровнем культуры, проблем, которые до сих пор изучались, главным образом, по отрывочным данным китайских династийных историй и других исторических трудов. Работа над небуддийской частью коллекции даст возможность проверить эти данные, значительно расширить и углубить наши сведения о тангутах и государстве Си Ся. Эта работа обогатит

как востоковедение, так и историческую науку новыми данными по истории Центральной Азии XI—XIII вв., вскроет далекое прошлое монгольской южной окраины и китайской провинции Ганьсу, где существовало более 200 лет государство тангутов.

Богатейшая коллекция тангутских рукописей и ксилографов Института востоковедения явится базой для развития новой, молодой отрасли в изучении Востока — тангутоведения.
